

- № 4. – С. 23–32.
6. Krisovaty A. Fiskal paradigma für die Effizienz der Umverteilungsprozesse während der Rezessionsphase / A. Krisovaty // *World Economy – Problems and Processes*. – 2010. – № 24. – С. 226–234.
  7. Лагутін В. Д. Бюджетна та монетарна політика: координація в трансформаційній економіці : монографія / В. Д. Лагутін ; Київ. нац. торг.-екон. ун-т. – К. : КНТЕУ, 2007. – 248 с.
  8. Чугунов І. Я. Бюджетний механізм регулювання економічного розвитку : монографія / І. Я. Чугунов. – К. : Ніс, 2003. – 488 с.
  9. Финансово-кредитный словарь : в 3 т. / гл. ред. Н. В. Гаретовский. – М. : Финансы и статистика, 1988. – Т. 3: Р–Я. – 511 с.
  10. Дем'янишин В. Г. Бюджетне фінансування та його особливості в сучасних умовах / В. Г. Дем'янишин // *Світ фінансів*. – 2007. – Вип. 2 (11). – С. 34–48.
  11. Бюджетний кодекс України [Електронний ресурс] : Кодекс України: від 08.07.2010 р., № 2456-VI. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua>. – Назва з екрана.
  12. Про державний бюджет України на 2013 рік [Електронний ресурс] : Закон України від 06.12.2012 р., № 5515-VI. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua>. – Назва з екрана.

УДК 334.732

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: АНАЛИЗ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

М. Б. Чижевская, кандидат экономических наук

Общество – сложное структурное образование, состоящее из взаимосвязанных, но вместе с тем самостоятельных сфер: социальной, политической, духовной и экономической. Их изучением занимаются соответствующие науки – социология, политология, экология, политэкономия и т. д. Не смотря на многовековую историю существования человека разумного и постоянную напряженную работу лучших его представителей, в действительности не существует схемы, отображающей идеальную конструкцию человеческого общества. Вместе с тем, общепринятым считается, что демократическая концепция в сочетании с рыночным способом хозяйствования, в целом, является удовлетворительной как для современного этапа развития, так и для ближайшего будущего. Однако общеизвестно, что демократические сообщества составляют меньшую долю от общего количества стран на планете Земля и существенно различаются между собой по своей внутренней структуре. Объяснение вышеуказанного феномена и является предметом изучения общественных наук, которые сейчас интенсивно развиваются путем обмена знани-

ями не только между собой, но и все больше учитывают достижения естествознания, приобретая тем самым настоящий междисциплинарный характер.

Практика трансформации командно-административной системы на просторах бывшего «социалистического лагеря», безусловно, в мировой истории является явлением новым, не постигнутым ранее, впрочем, как и предшествующие такому положению вещей события, развернувшиеся в начале XX в. на территории Российской империи. Крах СССР совпал с периодом «третьей волны» глобального процесса демократизации, одним из теоретических продуктов которой, стала концепция «перехода» (Д. Растоу, С. Хантингтон, Х. Линц). Считается, что предтечей возникновения концепции перехода стало успешное воплощение знаменитого плана Маршалла. Постепенно она переросла в особенную субдисциплину, получившую название «политическая транзитология» (с англ. «transition» – переход). Главным объектом исследования основатели новой концепции обозначили процессы адаптации социально-политических конструкций в практике

перехода трансформирующихся государств к условиям современного общества. Концепция имеет ярко выраженный эволюционный характер, и базируется на экономической парадигме Адама Смита о невидимой руке рынка, то есть на допущении самоорганизации и саморегуляции не только экономики, но и общества в целом. Основанная на самоорганизации система социально-экономических и политических отношений, функционирующих в правовом режиме социальной справедливости, свободы, удовлетворения материальных и духовных потребностей человека, была обозначена как гражданское общество. Оно является одним из важнейших и мощных рычагов в системе «удержаний и противовесов», стремления политической власти к абсолютному господству. Считалось, что основным условием возникновения гражданского общества является наделение всех граждан экономической самостоятельностью на базе частной собственности и рыночных отношений. Основным затруднением в теоретизировании концепции «перехода» стал темпоральный характер выбранных объектов исследования, куда попали как развитые, так и развивающиеся страны, проходившие каждая в свое время те или иные фазы устойчивых и переходных состояний, с той лишь разницей, что направленность, временной интервал, качественный характер и результат переходных изменений у них существенно различался. По аналогии в каждый отдельный период проблемы адаптации социально-политических конструкций к новым условиям не раз обсуждались в научных кругах. Примером вышесказанного может послужить схожая по тематике работа – «Экономика переходного периода. Часть 1. Общая теория трансформационного процесса», написанная Н. Бухариным еще в 1920 г. [1].

По прошествии лет становилось все более ясно, что повседневная практика не вполне соответствует теоретическим заключениям транзитологии. Несоответствия первичным предположениям проявились не только в конструкции рынка, но и в конструкции общества в целом. Достаточно просто сложить и перечень примеров отката к диктатуре. На обширных территориях длительная нестабильность

и возмущения привели к укреплению ряда традиций, поддерживающих строгие иерархии, которые и без того были весьма устойчивыми на постсоветском пространстве. О существовании такой зависимости писал еще в 1945 г. известный критик коллективизма, последовательный сторонник либеральной теории Ф. Хайек: «Единственное, чего может не выдержать демократия, от чего она может дать трещину – это необходимость существенного снижения уровня жизни в мирное время или достаточно длительный период, в течение которого будут отсутствовать видимые улучшения» [2]. В 2002 г., вице-президент «фонда Карнеги» Томас Каротерс предложил пересмотреть концепцию «перехода» как слишком примитивную. Он призвал отказаться от иллюзий и стереотипов, основанных на чрезвычайном оптимизме относительно торжества демократии в мире. По его мнению, более чем 100 стран по своей сути не являются ни демократиями, ни автократиями [3]. В сконцентрированной форме, на существующие различия в институциональной среде каждого отдельного общества, указал представитель неoinституционализма Д. Норт: «...впечатляющая черта последних десяти тысяч лет истории состоит в том, что в мире сложились общества, которые радикально отличаются друг от друга по религиозным, этническим, культурным, политическим и экономическим критериям, а разрыв между богатыми и бедными, развитыми и слабо развитыми нациями сегодня такой же большой, как и раньше» [4].

Учитывая темпоральный характер проблемы адаптации социально-политических и экономических конструкций к новым условиям, Р. Фогель и Д. Норт, работая в области экономической истории вместо довольно узкого понятия «переход» использовали такую категорию как «изменение». За цикл работ в области квантитативного исследования в экономической истории в 1992 г. они получили Нобелевскую премию по экономике за развитие новых подходов в исследованиях по экономической истории, основанных на применении экономической теории и количественных методов для объяснения экономических и институциональных изменений. Такой

подход позволил четче обрисовать контуры исследования проблемы трансформации командно-административной системы. В связи с тем, что в искусственно созданных условиях интенсивного протекания общественных процессов складывается ситуация, когда изменившиеся общественные потребности не находят адекватного отражения в структуре и функциях соответствующих социальных институтов, довольно часто возникает дисфункция. Одним из возможных выражений дисфункции социального института является персонализация его деятельности. Персонализация социального института означает изменение его функций в зависимости от интересов отдельных лиц, их персональных качеств и свойств, вопреки объективным потребностям заинтересованных в его существовании контрагентов. Неудовлетворенная общественная потребность вызывает их защитную реакцию в виде нарушения существующих норм и правил, что в длительном периоде, в свою очередь, приводит к институционализации нормативно неурегулированных видов деятельности. Дисфункция институтов, обеспечивающих экономическую деятельность, является причиной существования теневой экономики. В крайних формах подобная активность выражается в виде разнообразных конфликтов или противоправной деятельности криминальных сообществ. В такой ситуации обострение борьбы за ресурсы между криминальными сообществами может привести к применению массовых форм насилия. Разрастание вооруженного конфликта нивелирует главную функцию института – воспроизводство членов общества. Таким образом, общество, в котором наблюдается дисфункция институтов, находится в ситуации социальной опасности – состоянии, которое может привести к его разрушению, самоуничтожению общественной системы.

Г. Саймон – автор фундаментальных исследований организационного поведения и процессов принятия решений, соавтор гипотезы о физической символической системе, ставшей основой для концепции искусственного интеллекта, считал, что, не смотря на разновекторность деятельности индивидов в общем сориентированную вокруг экономических мо-

тивов, для большинства людей экономические достижения сами по себе не есть конечной целью, а всего лишь способом для достижения настоящей конечной цели: безопасности, комфорта и престижа [5]. Если посмотреть более объемно, главной целью индивида является такая категория как жизнь, которая с философской точки зрения есть аксиомой, самоцелью, процессом, не требующим отдельных обоснований. Все действия живых организмов направлены на поддержание, сохранение и продолжение жизненных процессов в конкретной среде обитания. Основной же составляющей среды обитания человека разумного является социум, как особенный способ жизни людей. Поэтому большинство рисков и опасностей повседневной жизни проистекают именно из этой среды, что позволяет исследователю оперировать таким понятием как социальная безопасность. Существование социальной нестабильности указывает на понижение уровня социальной безопасности. Очевидна прямая зависимость между этими показателями. Равновесное состояние социальной безопасности в единстве экономических и социокультурных воздействий можно охарактеризовать как социальную стабильность. В научной литературе нет единой точки зрения по поводу толкования понятия социальная безопасность. Несомненно, социальная безопасность, как и человеческое общество в целом, явление комплексное, и содержит в себе широкий перечень разных аспектов, присущих различным особенностям человеческого существования. Прежде всего, это воздействия, связанные с природной средой обитания, которые сейчас в основном нивелировались до экологических факторов (в сравнении с уровнем затрат, гарантирующих выживание в первобытных обществах), экономические, политические и другие влияния. Другими словами, все то, что воздействует на среду обитания человека, делает общество устойчивым и способным к развитию или разбалансированию, с низким качеством жизни и постоянно тлеющими конфликтами.

В основе жизнедеятельности социальных систем лежит принцип необходимости обеспечения собственной безопасности – прин-

цип, раскрывающий антиэнтропийную природу социальных систем и непосредственно связанный с потребностями системы и ее элементов в выживании и прогрессивном развитии. Его содержанием является сознательная деятельность людей, направленная на снижение дезорганизующего влияния внешней и внутренней среды. Исследование социальной безопасности в указанном контексте позволяет определить ее как неотъемлемое свойство (атрибут) социальной системы, состоящее в способности к обеспечению на основе осознанной, целенаправленной деятельности такого порядка взаимосвязей, при котором дезорганизующее воздействие внешней среды и внутренних противоречий на ее жизненно важные интересы ограничивается пределами, отвечающими потребностям данной системы и ее элементов в устойчивом развитии. Социальная система состоит из взаимно переплетенных социальных институтов, передающих из поколения в поколение специфический набор функций, которые не могут выполнить другие общественные институты и каждый человек в отдельности. Таким образом, главная функция любого социального института – это организация совместной деятельности людей в целях удовлетворения тех или иных социальных потребностей. Процесс совместной целенаправленной деятельности людей называют сотрудничеством.

По сравнению с массивом знаний, полученных в результате изучения проблем рыночной конкуренции, категории «сотрудничество», как экономической форме, сопоставимой с конкуренцией, в научной литературе уделяется внимание непропорционально мало. Одновременно присутствует огромное количество работ, в которых в той или иной степени выражается критическое отношение к различным аспектам рыночной трансформации, и почти единогласно признается факт неудачного институционального конструирования конкурентных условий и замещение их непродуктивными противостояниями распределительных коалиций и монополий.

Рассматривая проблему экономических изменений, Д. Норт подробно разбирает многообразность категории «культура» и ее взаимо-

отношения с понятием «исторический путь», а также определяет место индивида в этих сложных взаимоотношениях. В основе данного множества различных форм культурного наследия в каждом случае лежат общие психологические модели участников. Отчасти, выстроенные людьми структуры представляют собой эволюционный результат успешных мутаций, тем самым, входя составной частью в генетическую структуру человека: сюда, например, относится врожденная склонность к сотрудничеству в маленьких взаимодействующих группах; другая часть этого наследия – результат культурной эволюции, выражающийся, в частности, в развитии институтов, способствующих сотрудничеству более крупных групп [4]. В контексте изучения категории «сотрудничество» через призму проблем трансформации, выше сказанное подтверждается экспериментом, поставленным российским автором Д. Грушевским. Аудитории, состоящей из двух групп, – граждан Европейского союза и Российской Федерации определили одинаковое задание, которое каждая группа должна решить совместно. Россияне выполняли поставленную задачу в 7–10 раз быстрее, чем европейцы. Когда изучили причины этого явления, то выяснилось, что группа европейцев дискутировала до выработки коллективного решения и готовности нести за него коллективную ответственность, а группа россиян – до появления лидера, который брал на себя персональную ответственность за принятое решение. Выявив две противоположные стратегии поведения, автор сформулировал гипотезу: устойчивость социальных институтов обусловлена способностью участников к выработке, принятию и исполнению коллективных решений [6]. Понимание такого естественного для человеческого общества сочетания факторов, фундаментирующих общую жизнедеятельность в коалициях, облегчает трактовку социально-экономических отношений. На этой основе более просто абстрагироваться от конкурентно-индивидуалистической парадигмы, которая превалирует в экономической науке и сосредоточиться на доказанном в области исторического знания факте – с самого начала своего существования люди для ор-

ганизации процесса жизнедеятельности всегда объединялись в коалиции, устойчивость которых обеспечивалась разноплановыми отношениями, начиная с совместной работы и заканчивая морально-этическими предпочтениями. Прежде всего, нам необходимо на этой основе по-иному оценить положение А. Смита о разделении труда, которое ученый рассматривал как первоисточник экономического прогресса. Необходимо вернуться и к работам К. Маркса, трактующего хозяйственную эволюцию как ряд изменений в системе разделения и кооперации труда, встроив в эту систему два типа кооперации – простую и кооперацию, основанную на разделении труда, что надолго погасило интерес экономической науки к широкоформатной кооперации (сотрудничеству) в коалициях. В конце концов, основываясь на таком упрощении К. Маркс, пришел к совершенно парадоксальному выводу – утверждая, что разделение труда и есть сам по себе особый вид кооперации [7].

Придерживаясь формальной логики, сейчас нам совершенно очевидно, что разделение есть расчленением, дифференциацией единого целого, а кооперация, наоборот, обратная интеграция, координация действия независимых целых частей. Д. Стиглер, комментируя эту проблему, заметил, что, несмотря на огромное количество ссылок на пассажи о разделении труда и булавочную мануфактуру, за двести пятьдесят лет со времени выхода «Богатства народов» никто так и не развил и не использовал теорию разделения труда [8]. Изменились со времен А. Смита и взгляды экономистов на конкуренцию, как элемент рыночного механизма. Рынок А. Смита рассматривается как частный, а конкуренция как совершенная, имея в виду ее идеальный вариант, рожденный абстрактным мышлением.

В вопросе определения самого понятия конкуренции, как и в случае с сотрудничеством, также не сформировано единой позиции. Можно говорить только о распространенных подходах. Прежде всего, это классический вариант понимания конкуренции как элемента рыночного механизма и как соперничества, направленного на приобретение устойчивых конкурентных преимуществ и, наконец, как

критерий типа рынков – монополия, олигополия, монополия по Г. Штакельбергу или – как совершенная конкуренция, монополистическая конкуренция, однородная олигополия, неоднородная олигополия, монополия по Э. Чемберлину и Дж. Блейну.

Е. Рейнгольд предлагает следующее соотношение понятий [9]. На самом общем уровне общественного производства присутствует поведение экономического агента в условиях ресурсных ограничений, которое порождает борьбу за ограниченный экономический ресурс – за натуральное сырье, источники энергии, рынки сбыта, долю рынка, внимание потребителей и т. д. Борьба за ограниченные ресурсы по типу общественного производства приобретает форму модели поведения экономических агентов, а поведение, в свою очередь, определяет тип рынка, его строение или морфологию. Изменение типа экономики или типа рынка приводит к трансформации элемента рыночного механизма, говоря по-другому, конкуренция, как механизм, может изменять свою природу. На уровне отдельных экономических агентов – организаций, модели конкуренции проявляются в различных формах реакции на рынок – соперничестве, взаимодействии, сотрудничестве. Итак, анализ с позиции конкуренции дает нам возможность наблюдать постоянное взаимодействие между категориями сотрудничества и конкуренции и помогает понять экономическую реальность, которая демонстрирует постоянно растущее взаимодействие конкурентной и кооперативной экономической культуры.

Наиболее подробно проблемы сотрудничества рассмотрены в «эмпирически подтвержденной теории коллективных действий как науке и искусстве о взаимодействии» [10]. Точнее всего смысл научных изысканий данного направления «передают слова А. Токвиля, который мечтал о создании когда-либо в будущем «науки и искусства ассоциирования»: как, зачем и почему объединяют свои усилия и в каких случаях опыт такого ассоциирования оказывается успешным, а в каких нет?» [11]. Теория коллективных действий (collective action theory) занимает важное место в социальных науках, поскольку объясняет

достаточно много явлений, связанных с производством общественных (коллективных) благ (public goods), среди которых – общественные движения, электоральное поведение, членство в группах по интересам и т. д. Коллективные действия – это действия, которые осуществляются определенной группой (коалицией) людей для достижения одного и того же общественного блага. В наше время, кроме традиционных материальных (дороги, больницы), политических благ (выборы, гражданские свободы), общественные блага приобрели такие новые формы как Интернет, открытое программное обеспечение (open source software), файлообменные системы. Таким образом, можно констатировать факт существования общественных информационных благ (public information goods). Считается, что теория коллективных действий служит важной составляющей теории общественного выбора (public choice theory), современный вариант которой принадлежит перу представителей новой институциональной теории (new Institutional theory). По мнению Д. Норта, одной из основных ее задач является «анализ теоретических основ самой главной функции институтов – решение проблем кооперации между людьми» [12].

Анализ коллективных действий предполагает рассмотрение явлений и процессов с точки зрения группы индивидов. Соответственно существуют первичные группы – небольшие коллективы людей, связанные между собой узами эмоциональной природы – семья, кланы и вторичные группы, отношения между которыми имеют в основном необособленный характер – организации. На всех уровнях внутри организации образуются неформальные сети (связи), их изучение не менее важно для составления общей характеристики организации. Культура (навыки) взаимодействия (сотрудничества) определяет уровень внутренних издержек функционирования организации. Синергетический эффект от деятельности организации напрямую зависит от уровня сотрудничества. Основными объектами интереса автора теории – М. Олсона стали, так называемые, объединения второго уровня – альянсы профсоюзов, мелких пред-

принимателей, фермеров (в англоязычной литературе обычно такие объединения называют ассоциациями). Ученый проанализировал процесс развития фермерских организаций в США фактически с момента их зарождения – XVIII ст. По его мнению, ассоциации развивались наиболее продуктивно в те периоды, когда имели возможность самостоятельно создавать для себя правила. М. Олсон считает, что в результате такого процесса был создан новый тип кооперативов, соответствующий американским условиям ведения сельского хозяйства. «Это были не, так называемые, кооперативы «Рочдейла», что чаще всего встречались по всей стране, а новые кооперативы «Киркпатрика», названные так в честь первого творца – Дональда Киркпатрика, главного консультанта Сельскохозяйственной ассоциации «Илинойса» [13].

Математическим языком теории коллективных действий служит теория игр – математический метод изучения оптимальных стратегий в играх. Под игрой понимается процесс, в котором принимают участие две или несколько сторон, ведущие борьбу за реализацию своих интересов. Каждая сторона преследует свою цель и использует свою стратегию, которая в зависимости от поведения игроков, может привести к выигрышу или проигрышу. Теория игр помогает выбрать лучшие стратегии с учетом представлений о контрагентах, их ресурсах и возможных поступках. Ее основой служит понятие социальной дилеммы – ситуации, в которой члены группы сталкиваются с противоречиями между максимальным удовлетворением своих личных интересов и максимальным повышением коллективного благосостояния [14].

Достаточно длительное время в социальных дисциплинах бытовало мнение, предполагавшее, что зона кооперативного поведения в человеческих сообществах исчезающе мала. Опровергнуть такой вывод удалось Э. Остром, за что в 2009 г. ей была присуждена Нобелевская премия по экономике. Ее первые работы были посвящены исследованиям проблем предоставления коллективных благ в локальных публичных экономиках – городских агломерациях, округах, муниципалитетах. Она обна-

ружила, что в США система предоставления локальных общественных благ исторически формировалась снизу, усилиями самих граждан, а не конструировалась сверху центральной властью по единому плану. Ее исследования подтвердили и показали, что успех самоорганизации при использовании ресурсов общего пользования зависит от многих факторов – характеристик: группы (ее величины, степени однородности, стабильности состава и т. п.); самого ресурса (их размеров, стационарности-мобильности и т. п.), используемой технологии; институциональной и культурной среды, в которую погружена группа. Остром доказала, что индивиды имеют высокую способность к самоорганизации и самоуправлению. В большинстве случаев локальные сообщества оказываются в состоянии собственными силами, без всякого вмешательства извне успешно справляться с проблемой коллективного действия. Они способны не только достигать согласия при разработке и установлении единых правил доступа к общим ресурсам, но и проявляют готовность далее активно участвовать в мониторинге за соблюдением этих правил и в наложении санкций на нарушителей. Институты самоорганизации и самоуправления, которые длительное время, экспериментальным путем, методом проб и ошибок формировались самими пользователями ресурсов, демонстрировали более высокую эффективность, чем государственное регулирование. Очень часто, вслед за разрушением институтов, выстроенных на принципах самоорганизации и самоуправления, начиналось разрушение самой ресурсной базы [15].

Постоянные изменения условий человеческой деятельности, происходящие в современном обществе, обновляют и способы сотрудничества. Особенно сильно картину изменило повсеместное внедрение компьютерной техники и новые коммуникационные технологии. Например, не имея теоретического объяснения феномена сотрудничества применительно к современным условиям и будучи практиком Р. Нурда, известный как исполнительный директор (Chief Executive Officer) корпорации «Novell Inc.», которая сыграла не последнюю роль в создании свободного программного

обеспечения на основе операционной системы «Linux», разбираясь в хитросплетениях законодательства об интеллектуальной собственности, использовал термин «соопетитион» (Co-opetition), образованный от сочетания английских слов «cooperation» – сотрудничество и competition – конкуренция. Если перевести его на русский язык, примерно получим выражение «коопконкуренция». Определение быстро вошло в оборот и стало применяться для обозначения процесса на уровне выбора концептуального решения при участии множества свободных агентов, через их непосредственный интеллектуальный вклад в варианты решения и следующий его отбор путем голосования за наиболее оптимальный вариант, с дальнейшей реализацией и использованием в интересах каждого отдельного агента и всех желающих извлечь из этого выгоду.

Фактически такое толкование «коопконкуренции» полностью соответствует объяснению процесса создания свободного программного обеспечения, где свободными агентами выступили независимые программисты, создавшие не только общественный ресурс, но и полноценный инновационный институт со всеми его атрибутами, что успешно занял свое место в современной институциональной среде.

Таким образом, можно сделать предварительный вывод о том, что сотрудничая между собой, люди создают прочную основу для своего существования. Уровень культуры сотрудничества, накопленный нацией или сообществом, есть основой социальной безопасности общества в целом. Категория «социальная безопасность» хорошо соотносится с общепринятыми экономическими категориями и пригодна для экономического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бухарин Н. И. Экономика переходного периода. Часть 1. Общая теория трансформационного процесса. Май 1920 г. / Бухарин Н. И. // Проблемы теории и практики социализма. – М. : Политиздат, 1989. – С. 94–176.
2. Хайек Ф. А. фон. Дорога к рабству : [пер. с англ.] / предисл. Н. Я. Петракова. – М. :

- Економіка, 1992. – 176 с.
3. Carothers Thomas. The end of transition Paradigm // *Journal of Democracy*. – 2002. – Vol. 13, № 1. – Р. 6–7, 9.
  4. Норт Дуглас. Понимание процесса экономических изменений / Дуглас Норт. – М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. – 254 с.
  5. Саймон Г. А. Адміністративна поведінка: Дослідження процесів прийняття рішень в організаціях, що виконують адміністративні функції / Г. А. Саймон ; [пер. з англ. Руслан Ткачук]. – К. : АртЕк, 2001. – 392 с.
  6. Грушевский Д. В Иерархии и сети в экономическом пространстве Записки семинара «Сверхмедленные процессы»: Вып. 4 / под ред. В. М. Миклюкова ; ВолГУ. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. – 246 с.
  7. Маркс К. Капитал / Маркс К. – Т. 1. – М. : Госполитиздат, 1953. – С. 328–376.
  8. Stigler G. The Literature of Economics: The Case of Berle and Means / Stigler G., Friedland C. // *Journal of Law and Economics*. – 1983. – № 26. – Р. 237–268.
  9. Рейнгольд Е. А. Проблемы конкурентоспособности в современной экономике [Электронный ресурс] / Рейнгольд Е. А. // Проблемы современной экономики. – 2013. – № 3 (27). – Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php>. – Назва з екрана.
  10. Остром Э. Теория рационального выбора коллективного действия. Бихевиористский подход. Обращение президента американской политологической Ассоциации 1997 г. / Остром Э. // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2010. – № 1. – С. 5.
  11. Капелюшников Р. И. Множественность институциональных миров: Нобелевская премия по экономике – 2009 / Капелюшников Р. И. // *Экономический журнал ВШЭ*. – 2010. – № 1. – С. 12.
  12. Норт Д. Институты, Институциональные изменения и функционирование экономики / Норт Д. ; пер. с англ. А. Н. Нестеренко ; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера ; Фонд экономической книги. – М. : НАЧАЛА, 1997. – 190 с.
  13. Олсон Мансур. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп : [пер. с англ.] / Олсон Мансур. – М. : ФЭИ, 1995. – 174 с.
  14. Фон Нейман Дж. Теория игр и экономическое поведение / Дж. фон Нейман, О. Моргенштерн. – М. : Наука, 1970. – 983 с.
  15. Кузьминов Я. За пределами рынка: институты Управления трансакциями в сложном мире (Нобелевская премия по экономике 2009 года – Оливер Уильямсон и Элиноор Остром) / Кузьминов Я., Юдкевич М. // *Вопросы экономики*. – 2010. – № 1. – С. 82.

УДК 339.137

ЧИННИКИ, ЩО ВИЗНАЧАЮТЬ ФОРМУВАННЯ КОНКУРЕНТОСПРОМОЖНОСТІ НАЦІОНАЛЬНОЇ ЕКОНОМІКИ

З. В. Юринець, кандидат економічних наук

У забезпеченні умов стійкого розвитку економіки важливу роль відіграє інтенсифікація конкурентоспроможності національної економіки. Належне вивчення питань конкурентоспроможності сприятиме формуванню та збалансованому розвитку національної економіки. Конкурентоспроможність національної економіки залежить від багатьох чинників,

зокрема інвестиції в технології, наявність ресурсів, якість бізнес-середовища, структури економіки, характеру й ефективності інститутів, якості та поширеності інфраструктури. Важливим є дослідження головних чинників, які впливають на конкурентоспроможність національної економіки для підвищення ефективності використання наявного потенціалу